

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья

УДК 821.161.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251>

<https://elibrary.ru/WTYXVB>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Странный, больной цветок в болоте русской жизни...» Творчество А.М. Ремизова в прижизненной англоязычной критике

© 2025, Н.Г. Мельников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме рецепции творчества А.М. Ремизова в англоязычной критике 1910–1920-х гг. Материалом исследования стали рецензии, эссе, литературные обзоры, взятые из американской, британской, австралийской и новозеландской прессы, а также фрагменты монографий и учебных пособий; в подавляющем большинстве они впервые вводятся в научный оборот. Обширный критико-литературный материал позволяет проследить процесс формирования литературной репутации А.М. Ремизова в англоязычном литературном мире, а также уяснить особенности интерпретации англоязычными критиками произведений «самого русского из русских писателей». Особое внимание в статье уделяется двуязычным авторам (Д. Святополк-Мирскому, Г. Вильямсу, С. Грэму, Дж. Курносу, А. Брауну, А. Риви), выступившим не только в роли пропагандистов ремизовского творчества, но и в качестве связующих звеньев между русской и западной (англо-американской) культурой.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, Д.П. Святополк-Мирский, англо-русские литературные связи, литература русского зарубежья, литературная критика, литературная репутация, литературный портрет, перевод, книжный рынок, периодика, популярность, публика, рецензия, читатель.

Информация об авторе: Николай Георгиевич Мельников — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID.: <https://orcid.org/0009-0008-6634-1082>

Email: alcect@yandex.ru

Для цитирования: Мельников Н.Г. «Странный, больной цветок в болоте русской жизни...» Творчество А.М. Ремизова в прижизненной англоязычной критике // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 216–251. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251>

Литературная репутация А.М. Ремизова за рубежом и, в частности, в англоязычных странах, до сих пор остается малоизученной, несмотря на ряд солидных научных работ [3; 7; 9; 11; 16; 17], авторы которых обращались к различным аспектам темы: история создания и издания английских переводов ремизовских произведений, взаимоотношения Ремизова с переводчиками и «промоутерами», которые пробивали его книги в англоязычные издательства и всячески рекламировали его творчество в периодической печати.

Однако об особенностях восприятия творчества Ремизова представителями иной культуры и этапах формирования его писательской репутации, о рецепции ремизовских переводов в англо-американской критике до сих пор практически ничего не сказано. Начиная со статьи И. Зограб и монографии О. Казниной, в исследованиях, затрагивающих проблему рецепции Ремизова в англоязычном литературном мире, упоминаются, цитируются и пересказываются одни и те же две–три публикации из литературного приложения «Таймс», что, конечно же, не позволяет выявить тот образ писателя, который сложился у его англоязычных читателей, и представить «почву усвоения» [10, с. 67] ремизовских произведений. Более того, в самых полных на сегодняшний момент библиографических указателях по творчеству Ремизова [1; 5] есть досадные пробелы, заполнить которые и призвана данная статья.

Англоязычная ремизовиана (речь идет о прижизненной критике) отчетливо делится на два периода: дореволюционный и эмигрантский.

На первом этапе в роли посредников между англоязычной публикой и Ремизовым выступали двуязычные авторы, читавшие сочинения Ремизова в оригинале и, что немаловажно, имевшие представление как о современной русской словесности, так и о литературной традиции, вспоившей писателя. Немногочисленную «группу поддержки» (без которой, как известно, не может утвердиться ни одна литературная репутация) составляли, с одной стороны, представители редкой породы британских русофилов, не один год проводившие в России и достаточно хорошо изучившие ее культуру и язык, чтобы по достоинству оценить своеобразие ремизовского стиля, а с другой — бывшие соотечественники писателя, которые по разным причинам еще до революции 1917 г. эмигрировали из страны и успешно интегрировались в англоязычной языковой среде.

К первым относится уроженец Новой Зеландии, журналист Гарольд Уитмор Вильямс (Williams, 1876–1928); пылкий поклонник Толстого, выучивший русский язык, чтобы читать «Анну Каренину» в оригинале, с 1904 по 1918 г. он жил в России, представляя различные британские газеты («Манчестер Гардиан», «Морнинг Пост», «Дейли Кроникл»). «Постоянно находясь в водовороте интеллектуальных и политических событий» [3, с. 100], Вильямс завел обширные знакомства среди литераторов. Роскошная петербургская квартира Вильямса и его супруги Ариадны Тырковой стала «одним из самых популярных столичных салонов», где собирались «выдающиеся интеллектуалы — представители культуры Серебряного века» [2, с. 254]. Частым гостем салона на Кирочной улице был и Ремизов, с которым Вильямсы познакомились в 1905 г. Согласно воспоминаниям Тырковой-Вильямс, между ними и Ремизовыми установились настолько доверительные отношения, что часто те обращались к Вильямсу как к наставнику, третейскому судье, способному уладить всевозможные ссоры и недоразумения: «Гарольд Васильевич, вы англичанин. Англичане джентльмены. Они знают, что надо делать и чего не надо. Вот мы с Серафимой Павловной и пришли вас спросить, как нам надо поступить?»¹.

Именно «Гарольд Васильевич» одним из первых представил англоязычной публике Ремизова. В книге «Россия русских» (1914), изданной сначала в Лондоне, а затем в Нью-Йорке, он дал сжатый, но весьма содержательный очерк жизни и творчества «молодого прозаика Алексея Ремизова, чей самобытный талант, мастерство владения формой и глубокое понимание русского народного сознания выделяют его среди других даровитых писателей»². Точно обозначив литературную генеалогию Ремизова — «в его творчестве прослеживаются следы влияния Достоевского и Гоголя, а некоторые черты напоминают Лескова», — он в то же время подчеркивал его самобытность: «Его дар уникален, и он отказывается менять его выражение в угоду каким-либо требованиям удобства или целесообразности. <...> Его стиль — исключительно своеобразный, неторопливый, далекий от непринужденной беглости журналистского русского языка, исполненный достоинства народной речи и проникнутый духом тех любопытных уголков русской жизни, где все еще живы традиции и где современная цивилизация не проделала своей размывающей и нивелирующей работы». Не сводя творческое «я»

¹ Тыркова А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Воспоминания о серебряном веке / сост. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 339.

² Williams H. Russia of the Russians L.: Pitman & Sons, 1914. P. 216.

писателя к стилистическим экспериментам и языковым ухищрениям, Вильямс отмечал его глубинную связь с народным мифопоэтическим сознанием: «Ни один из ныне живущих писателей не чувствует так, как он, русский народ, его привязанность к земле, его грубость, его чувственность, его греховность, а также его духовный пыл, его религиозные верования, его причудливые обычаи, его богатый язык, его непрестанные проблемы, тоску и возвышенную мечту о победе»³. В качестве доминант художественного мира Ремизова автор «России русских» выделил «лукавый юмор», «склонность к гротеску и мистификации, что в значительной степени придает очарование его творчеству», а также «сострадание, ощущение трагического хода жизни и дальних путей к залитому слезами избавлению. Его поздние вещи — “Неуемный бубен”, “Крестовые сестры” и “Пятая язва” — демонстрируют поразительную силу изображения гротескных, отталкивающих и просто обиденных черт жизни в провинциальных и столичных городах, поданных как фрагменты очистительной трагедии, значение которой русский народ инстинктивно понимает»⁴.

Отметим, что Вильямс был одним из первых интерпретаторов Ремизова, обративших внимание на родство его прозы с лирикой: «его произведения не сводятся к повествованию — в них много от концентрированного искусства стихотворений в прозе»⁵.

Безусловно, выразительный литературный портрет «самого интересного из современных русских писателей», созданный Вильямсом, сыграл важную роль в утверждении репутации Ремизова в англоязычном мире и «заложил основу для последующих оценок произведений Ремизова на английском языке» [17, р. 262].

Другим британским автором, ставшим проводником Ремизова к англоязычному читателю, был писатель, путешественник Стивен Грэм (Graham, 1884–1975), много лет проживший в России и в своих многочисленных статьях и книгах культивировавший образ «Святой Руси» (за что в кругах передовой общественности «слыл заурядным реакционером»⁶). В отличие от Вильямса, Грэм не был лично знаком с Ремизовым, однако был почитателем его творчества, что и продемонстрировал в рецензии на сборник сказок «Посолонь», опубликованной в литературном приложении «Таймс» (анонимно, в соответствии с традицией, продержавшейся в этом влиятельном еженедельнике до середины 1970-х гг.). В противоположность

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 217.

⁵ Ibid.

⁶ Струве Г. Водораздел Европы // Возрождение. 1925. 17 декабря (№ 198). С. 3.

спокойной аналитической манере «России русских» статья Грэма «Сказки Ремизова» кипит эмоциями и на две трети состоит из пересказа и цитирования (в переводе рецензента) избранных ремизовских сказок: «Весна-красна» (в передаче Грэма — «The Coming of Spring»), «Красочки», «Снегурушка» («Snow-flake») и «Корочун», — впечатлительный рецензент уподобил их «крестьянским вышивкам, выполненным на грубом льняном полотне домашнего изготовления» и радующим воображение «яркими красками и оригинальными формами»⁷. Начав рецензию с зазывного восклицания — «Кто-нибудь, обладающий чутьем и талантом, должен перевести новые сказки Ремизова — самые нежные и свежие творения наших дней», — Грэм завершил ее сомнительным комплиментом, который, прямо скажем, скорее говорит о его славянофильских пристрастиях, нежели о глубоком проникновении в суть предмета: «он [Ремизов] замечательный писатель, один из тех современных русских, кто вместе с Сологубом, Брюсовым, Ивановым, Бальмонтом и Александром Блоком возвращает интеллигенцию к истинно национальному, к чернозему, избе, крестьянству и простому, свежему мистическому уму неиспорченного славянина!»⁸.

Спустя две недели Грэм опубликовал обзорную статью «Современная русская литература», в которой Ремизов был упомянут как «великий человек» («a great man»), «автор самых прекрасных рассказов, которые сегодня создаются в России»⁹.

Можно посетовать на то, что Грэм не смог предложить британскому читателю хоть сколько-нибудь цельный образ Ремизова, однако он был первым, кто попытался привлечь к нему внимание в англоязычной периодике и отважился представить в переводе образчики его прозы. Достойно сожаления и то, что британскому русофилу так и не удалось осуществить свое желание и издать «Посолонь» или другую книгу Ремизова на английском. В книге «Распавшаяся Россия» (1925), куда были включены интервью Грэма с ведущими писателями эмиграции, в том числе и с Ремизовым, автор вспоминал, что после выхода статьи «Сказки Ремизова» он «получил несколько приглашений от издателей организовать публикацию в Лондоне, но переводчика найти не удалось»¹⁰. Грэм неоднократно пробовал себя в роли переводчика (в частности, переводил произведения В. Брюсо-

⁷ <Graham S.> The Fairy Tales of Remizov // Times Literary Supplement. 1914. April 9 (№ 638). P. 176.

⁸ Ibid.

⁹ <Graham S.> Modern Russian Fiction // Times Literary Supplement. 1914. April 23 (№ 640). P. 194.

¹⁰ Graham S. Russia in Division. L.: Macmillan, 1925. P. 191.

ва¹¹, Ф. Сологуба¹², А. Куприна¹³), но, по всей видимости, не отважился иметь дело с изощренной ремизовской прозой. «Ремизов — один из немногих несомненных гениев современной России. Если его мало знают за рубежом, то лишь потому, что самые характерные его работы практически невозможно перевести», — признавался он в подводке к ремизовскому интервью¹⁴. (Заметим, что мотив непереводимости Ремизова будет звучать едва ли не в каждой второй англоязычной статье, посвященной его творчеству.)

Первой полноценной публикацией Ремизова на английском следует считать перевод сказки «Суженая», появившийся в февральском номере журнала английских имажистов «Эгоист» за 1916 г.¹⁵; его появление на страницах эстетского лондонского журнала было неслучайным: годы Первой мировой войны были ознаменованы необычайным всплеском интереса британцев к России и ее культуре. В поле зрения переводчиков и издателей все чаще стали попадать не только писатели, чьи произведения издавались до войны (например, Куприн или Мережковский), но и авторы, совершенно не известные ни рядовым английским читателям, ни представителям литературной элиты. И если первые, скорее всего, искали в произведениях современных русских писателей подтверждения своим представлениям о «загадочной русской душе», составленным по переводам Констанс Гарнетт Толстого и Достоевского, то имажисты, как и все британские модернисты, противопоставлявшие себя литературному «мейнстриму», «обращались к «современным» русским писателям за вдохновением и руководством» [16, p. 189].

Перевод ремизовской сказки был выполнен одним из сотрудников журнала Джоном Курносом (Cournos, 1881–1966). Уроженец Житомира, Иван Григорьевич Коршун в десятилетнем возрасте вместе с матерью переехал из России в США, получил американское гражданство, а вместе с ним и новое имя; с 1912 по 1930 г. он проживал Великобритании, где зарабатывал на жизнь литературным трудом. Хотя его родным языком был идиш, русским он владел достаточно хорошо, чтобы подвизаться на переводческой ниве и попытаться переложить замысловатую ремизовскую прозу на английский.

¹¹ The Republic of the Southern Cross, and other stories / by Valery Brussof: with an introductory essay by Stephen Graham. L.: Constable, 1918. 162 p.

¹² The sweet-scented name, and other fairy tales, fables and stories / by Fedor Sologub, ed. by Stephen Graham. L.: Constable, 1915. 240 p.

¹³ Kuprin A.I. A Slav Soul, and other stories: with an introduction by Stephen Graham. L.: Constable, 1916. xii, 235 p.

¹⁴ Graham S. Russia in Division. P. 191.

¹⁵ Remizov A. The Betrothed / tr. from the Russian by John Cournos // The Egoist. 1916. V. 3. №2 (February 1). P. 23.

Первый подступ был сделан в 1915 г. на страницах американского еженедельника «Харперс»: в эссе «Культура и русское сознание», в котором идеалистический русский менталитет противопоставлялся прагматичному немецкому, Курнос проиллюстрировал свои суждения пересказом притчи «Чаемый гость» «одного из величайших современных русских писателей»¹⁶ и дополнил пересказ переводом нескольких финальных абзацев.

Публикацию «Суженой» в «Эгоисте» сопровождало эссе Курноса, в котором, однако, речь шла не столько о Ремизове, «авторе романов, рассказов и стихотворений в прозе, которые настолько прекрасны, что их почти невозможно перевести»¹⁷, сколько о проблеме обновления «техники письма» и особом отношении к слову современных русских писателей (в частности, Андрея Белого и Ремизова), что коренным образом отличает их от предшественников, классиков XIX в. Отмечая, что Ремизов «придерживается традиций Достоевского» и что «в нем сильна “склонность к жалости”», Курнос, тем не менее, противопоставлял писателей — на том основании, что прежде всего Ремизов «любит русское слово»: «Ни один русский писатель никогда не знал столько слов. И он любит оркестровать их, как музыкант оркеструет ноты. Результат, которого он добивается, не всегда одинаков. <...> Иногда это довольно туманно по смыслу, но чрезвычайно красиво и многозначительно, подобно словесной музыке...»¹⁸.

Более развернуто положения этой статьи Курнос изложил в предисловии к первой английской книге Ремизова, выпущенной в октябре 1924 г. лондонским издательством «Чато и Уиндус» (чуть позже вышло американское издание). Помимо «Суженой» (названной переводчиком «очаровательным образцом прозаической баллады») и романа «Часы» (переводить его Курнос начал уже зимой 1916 г.), в нее вошли англоязычные версии рассказов «Белое сердце» и «Светло-Христово Воскресение» (предварительно опубликованные в англоязычной периодике¹⁹). Признав, что Ремизов принадлежит «традиции Достоевского, которая является величайшей из всех сил, формирующих современную русскую литературу», что оба писателя «похожи в изображении двойственных типов, демонических и благочестивых», Курнос по-прежнему настаивал на том, что

¹⁶ *Cournos J.* Kultur and the Russian Conscience // *Harper's Weekly*. 1915. V. 61. № 3057 (July 24). P. 82.

¹⁷ *Cournos J.* Aleksei Remizov // *The Egoist*. 1916. V. 3. № 2 (February 1). P. 28.

¹⁸ *Ibid.* P. 29.

¹⁹ *Remizov A.* A White Heart / transl. by J. Cournos // *The Dial*. 1924. V. 70. № 39. P. 65–68; *Remizov A.* Easter / transl. by J. Cournos // *The Westminster Gazette*. 1915 April 6. P. 2.

автор «Часов» кардинально отличается от автора «Преступления и наказания», поскольку «больше сосредоточен на своем стиле»²⁰.

В том же предисловии Курнос вспоминал о встрече с Ремизовым в его холодной петроградской квартире «скотской» зимой 1917–1918 года, «в первые месяцы большевистской революции», куда он пришел, чтобы получить разрешение на публикацию перевода «Часов» (выполненного по второй редакции 1910 г.):

«Я помню его человеком лет сорока: характерно русское лицо с высоким, широким лбом, странная, немного сгорбленная фигурка; почему-то у меня создалось впечатление, что он похож на добродушного чертика! Он работал в стесненных обстоятельствах, как и все писатели того времени, — в маленькой комнате, едва ли шире обычного домашнего коридора. Большая половина нижней части окна была занавешена черным, так что убогий зимний свет проникал сверху, словно в подвал мастерской.

Перед ним на письменном столе стояли несколько старинных икон (он был их большим знатоком). Перед святыми образами горели высокие тонкие свечи: это была единственная “роскошь”, которой он не мог себя лишить. “Как вы умудряетесь жить?” — спросил я, зная о материальных условиях, в которые попали даже самые успешные писатели. “Я как птица в поле”, — таков был его ответ...»²¹.

Позже эта зарисовка была инкорпорирована в автобиографию Курноса, в которой не без основания утверждалось, что именно благодаря его переводу «Часов» англоязычная публика узнала о Ремизове²².

Выход лондонского, а затем и нью-йоркского издания «Часов», ознаменовал новый этап рецепции ремизовского творчества в англоязычном литературном мире. Любопытный читатель теперь мог составить более цельное представление о писателе — уже не по разрозненным газетным и журнальным публикациям, а отклики о произведениях Ремизова в англо-американской прессе теперь исчислялись десятками.

Но прежде, чем перейти к их обзору, необходимо упомянуть еще одного бывшего соотечественника Ремизова, внесшего посильный вклад в популяризацию его творчества среди англоязычных читателей.

²⁰ J.C. <Cournos J.> Foreword // Remizov A. The Clock / authoriz. transl. by J. Cournos. L.: Chatto & Windus, 1924. P. vii.

²¹ Ibid. P. ix.

²² Cournos J. Autobiography. N.Y.: Putnam, 1935. P. 305.

Речь идет о еврейско-американском писателе Моисее Ольгине (Мойша Новомисский, 1878–1935). Уроженец Киевской губернии, с юности посвятивший себя революционной деятельности (был одним из активистов Бунда и участником революции 1905 г.), он, как и Курнос, покинул Россию до Первой мировой войны и, переехав в Америку, успешно освоился в англоязычной среде. Среди его англоязычных книг для нас особый интерес представляет изданный в 1920 г. «Путеводитель русской литературы (1820–1917)», в котором отдельная главка была посвящена творчеству Ремизова.

Книга Ольгина далека от канонов академического литературоведения и не отличается ни широтой охвата литературного материала, ни полнотой биографических фактов, ни глубиной анализа конкретных произведений. Знакома американских читателей с русской литературой, Ольгин предлагал их вниманию эмоционально окрашенные литературные портреты (в духе импрессионистских «Силуэтов» Юлия Айхенвальда) наиболее значимых (с его точки зрения) русских писателей.

Очерк о Ремизове открывался обобщенной картиной его художественного мира (вызывающей в памяти наиболее экспрессивные пассажи из dobroлюбовского «Темного царства») и характеристикой его героев, которые виделись критику в самых мрачных красках:

Ужасный мир. Отвратительные подробности. Мужчины и женщины кажутся обычными людьми, но у каждого из них в голове сидит маленький злобный демон. Каждый мужчина и каждая женщина совершают или собираются совершить какой-нибудь неблагоприятный поступок. Они не преступники, но в их жилах течет не кровь, а зловонная сукровица, и они испытывают злобную радость, когда делают гнусности. Таковы персонажи рассказов Алексея Ремизова.

Таково, по его мнению, население его родной страны. Из мест, которые он описывает, поднимается отвратительный запах — запах разлагающихся трупов, гноящихся язв, отвратительных болезней, тошнотворных отбросов. Скользящая субстанция расплзается по земле, по жилищам людей, по самим их душам, тяжелая субстанция, полная яда, распущенности, гнили, отвратительных паразитов, жуткой мерзости. Кто-то назвал рассказы Ремизова «каталогом мерзости». Его люди — существа тоскливые и, по сути, несчастные. Однако их поведение нельзя списывать только на обстоятельства.

Ими обуревают злоеущие инстинкты. Они жестоки. Они склонны к пьянству. Они используют самые непристойные выражения. Они предаются разврату. Они чувствительны в мелочах. Они бьют

друг друга, калечат слабых, целуют пыль с сапог сильных, мучают животных, видят призраков, общаются с чертями, ведьмами, монстрами и всеми грязными созданиями нездорового воображения.

В общем, это мир, в котором всем порочным желаниям дается полная свобода; его обитатели казались бы безумными, если бы не имели такого поразительного сходства с людьми, которых мы видим ежедневно во время занятий обычными житейскими делами.

Именно эта смесь почти фантастического унижения с самыми обычными чертами человеческого характера и повседневными заботами делает произведения Ремизова уникальными в русской литературе [14, р. 281–282].

Как и русские критики, которые отмечали «мрачный взгляд на жизнь, страшный, почти мистический страх перед жизнью»²³, свойственные Ремизову, автор «Путеводителя...» писал о беспроблемном пессимизме писателя и декоративном характере его религиозности:

...на всех его жестоких страницах безмолвно рыдает израненная душа. Ремизов устал от жизни. Ремизов раздавлен ужасами жизни. Было бы проще, если бы жизнь была трагедией. Он мог бы найти утешение в величии противоборствующих сил. Но жизнь для него — отвратительная бессмыслица, затянувшийся, мучительный приступ тошноты <...> Он не религиозен в высшем смысле этого слова. <...> он только во власти религиозных церемоний и не возвышается до истинной веры. В худшие минуты он склонен издеваться даже над Богом [14, р. 283–284].

При этом Ольгин высоко оценил художественное мастерство Ремизова и в первую очередь — его языковое богатство:

Алексей Ремизов — это, пожалуй, величайший мастер русского языка среди писателей нынешнего поколения. Его запас фразеологизмов поразителен; совершенно исключительна его способность принаравливать слова к идеям. Создается впечатление, что он использует первозданные слова. Его язык почти непонятен. При этом он не позирует. Он искренен. Странный, больной цветок в болоте русской жизни [14, р. 285].

²³ Измайлов А. Старорусские кружева: (Быль и легенда А.М. Ремизова) // Измайлов А. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 100.

Среди произведений Ремизова Ольгин выделил его сказки, а также повести «Крестовые сестры» и «Пятая язва»: им он посвятил краткие аннотации, которыми, в соответствии с композицией книги, завершил ремизовский раздел.

Амбивалентный портрет, созданный Ольгиным, наверное, мог бы и отпугнуть впечатлительного американского читателя; с другой, стороны, то, что Ремизов стал одним из героев «Путеводителя...», свидетельствовало о признании его высокого статуса.

Впрочем, гораздо более определенно о значимости Ремизова и особенностях его поэтики говорилось в другом путеводителе по современной русской литературе; его автором был Д.П. Святополк-Мирский, которого по праву можно назвать главным популяризатором ремизовского творчества в англоязычном литературном мире. Давний знакомый писателя (в 1907 г. их свел М. Кузмин), кавалер шуточного ордена Обезвельволпал, возведенный в ранг «полпреда Англии», Мирский был рьяным почитателем ремизовского творчества; его «привлекал творческий подход Ремизова к литературному языку, его точное взвешивание значения слов, его вдохновенное обращение с сопротивляющимся материалом» [11, с. 339].

Преподаватель лондонской Школы славянских исследований при Лондонском университете, вхожий в научные и литературные круги Британии и благодаря блестящей эрудиции и превосходному английскому принятый там как равный, «до середины 1950-х гг. Мирский был самым известным человеком русской литературной эмиграции в западном литературном мире» [8, с. 11]. Его многочисленные литературоведческие труды и критические статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях Англии, заслужили ему репутацию непререкаемого авторитета — «лучшего из возможных толкователей русской литературы для западных читателей»²⁴.

Едва ли не в каждой статье 1920-х гг., посвященной русской литературе, ревностный паладин «обезьяньего царя Асыки» почтительно упоминал Ремизова, буквально вбивая в сознание английских читателей, что именно он — «подлинный правящий принц русской художественной литературы»²⁵, «самый выдающийся из наших

²⁴ <Mauny E.C.L., de> Mirsky Histories // Times Literary Supplement. 1950. February 17 (№ 2507). P. 106.

²⁵ Mirsky D. Russian Literature since 1917 // The Contemporary Review. 1922. № 122. P. 208.

ныне живущих романистов»²⁶, «самый значимый романист 1910–1920-х годов»²⁷, «наиболее русский из русских писателей»²⁸. Даже в предисловии к сборнику рассказов Б. Пильняка гораздо больше говорилось не об авторе, а о его литературном учителе Ремизове — «величайшем из ныне живущих мастеров колоритного и идиоматического русского языка»²⁹.

В литературном пособии «Современная русская литература» он аттестовал Ремизова как сложного и многогранного писателя с «неповторимой и обаятельной индивидуальностью», создавшего «совершенно новый стиль русской прозы, который основан не на логике письменного языка, а на системе интонаций живой речи» [13, р. 113]. Повесть «История Стратилатова» («Неуемный бубен») «и другие вещи подобного рода», по мнению автора «Современной русской литературы», «стали великими литературными событиями, создавшими новую школу»; их главная особенность — новый метод построения сюжета, движение которого не соответствует хронологии. Мирский сравнил такое сюжетостроение с распутыванием клубка шелковых нитей: «В центре таких концентрических сюжетов — человеческая душа, а на периферии — гротескная атмосфера старинного русского провинциального городка» [13, р. 113–114].

Во втором томе своей знаменитой «Истории русской литературы», законченном зимой 1925 г., «посол Обезвельволпала при Дворе Сент-Джеймс» (как шутливо именовал себя Мирский в письмах основателю и «секретариусу» шуточного ордена) дал, пожалуй, самый полный на тот момент очерк жизни и творчества Ремизова, которого вновь провозгласил «главой новой литературной школы», а «Историю Стратилатова» — «шедевром и первоисточником чуть ли не всей последующей русской художественной прозы» [4, с. 783].

В сжатом виде характеристики ремизовского творчества были повторены в статье «Русская литература», опубликованной в третьем дополнительном томе тринадцатого издания знаменитой «Британники»³⁰.

²⁶ *Mirsky D. Rec.: Russkaya Mysl, a monthly review of Literature and Politics. Edited by Peter Struve. Books I–II. Prague–Berlin, 1923 // The Slavonic Review. 1923. V. 2. №4 (June). P. 210.*

²⁷ *Mirsky D. The Revival of Russian prose-fiction // The Slavonic Review. 1923. V. 2. № 4 (June). P. 200.*

²⁸ *Mirsky D. Old Russian literature: Its Place in the History of Civilization // The Slavonic Review. 1923. V. 3. № 7 (June). P. 82.*

²⁹ *Mirsky D. Russian fiction since Chekhov // Pilniak B. Tales of the wilderness / trans. by F. O'Dempsey. N.Y.: Knopf, 1925. P. vi.*

³⁰ *D.S. Mr. <Mirsky D.S.> Russian literature // Encyclopædia Britannica. 1926. L.: The Encyclopædia Britannica Company, 1926. V. 3. P. 435–439.*

А в феврале 1924 г., за год до выхода в свет своего монументального «бэдекера» по русской литературе, Мирский опубликовал на страницах литературного приложения «Таймс» пространную статью о Ремизове, написанную в соавторстве с Г. Вильямсом (в то время — редактором иностранного отдела «Таймс»). Оформленная как рецензия на книги Ремизова, изданные в 1922–1923 гг. берлинским издательством З.И. Гржебина («Крестовые сестры» (1918), «Пятая язва» и «Сказки русского народа» (1923)), она представляла собой гармоничный симбиоз панегирика и литературного портрета, в котором среди неумеренных похвал в адрес «самого привлекательного и обаятельного, а также самого оригинального из ныне живущих русских писателей», давался вдумчивый анализ его поэтики, в первую очередь — его уникального стиля: «Ремизову удастся создавать впечатление подлинной живой речи, и если ты хоть раз слышал его голос, тебя будут преследовать его интонации с первых предложений, всякий раз, когда открываешь одну из его книг. Это придает необыкновенно свежий привкус всему, что он пишет»³¹. Эта же особенность ремизовского стиля — честно предупреждали авторы статьи — может стать препятствием для его популярности в Англии: «для того, чтобы отдать ему должное на английском, потребовалась бы новая школа переводчиков».

Определяя литературную родословную Ремизова — «Его литературными предками являются Достоевский, Гоголь, древнерусские апокрифы и русские народные сказки — модели, надо признать, достаточно разнообразные, чтобы заставить нас ожидать определенного разнообразия от того, кто им следовал», — соавторы особо отмечали «неискоренимую, безбрежную эксцентричность» и «затейливый юмор» писателя, который «в своеволии своих прихотей превосходит и Стерна, и Лэма»³² — качества, которые, по их мнению, английскому читателю могут понравиться даже больше, чем русскому.

За обобщенной характеристикой писательской манеры Ремизова следовали краткие разборы обозначенных в подзаголовке «рецензии» произведений: «Сказок русского народа» («они полны восхитительного абсурдного юмора и <...> совершенно неподвластны законам логики и последовательности. <...> Как и в снах, в этих сказках нет ни морали, ни идей, хотя они странным образом — и довольно неуловимо — пронизаны определенной жизненной философией или, можно сказать, определенной религиозной атмосферой») — и пове-

³¹ <Mirsky D., Williams H. > Alexei Remizov // Times Literary Supplement. 1924. February 21 (№ 1153). P. 108.

³² Ibid.

стей: «Крестовые сестры» («она выдержана в традициях Достоевского; <...> написана напряженным, изощренным полупоэтическим стилем и привлекательна главным образом своим лиризмом»), «Пятая язва» («образец мрачного и гротескного юмора», «кариатура на глухоманный, богом забытый провинциальный русский городок») и так полюбившаяся Мирскому «История Стратилатова», названная «наивысшим достижением Ремизова»³³.

Содержательная статья Вильямса и Мирского, в которой кратко изложены основные положения ремизовских разделов «России русских» и «Истории русской литературы», бесспорно, — жемчужина прижизненной англоязычной ремизовианы: в ней не только были расставлены оценочные вехи, но и намечались плодотворные пути для анализа и истолкования ремизовских произведений. За редким исключением, авторы других критических опусов, выходивших при жизни Ремизова в англоязычной печати, не смогли дотянуться до ее уровня. Но в любом случае многие из них в своих суждениях о произведениях Ремизова отталкивались от критических работ Мирского и Вильямса, подготовивших почву «туманного Альбиона» для пересадки туда «странного, большого цветка».

Наиболее яркие высказывания о Ремизове из работ Мирского использовались издателями в качестве рекламных аннотаций и служили, во-первых, приманкой для любознательных книгоцеев, во-вторых, своего рода охранной грамотой и ориентиром для потенциальных рецензентов, которым давалось понять, с писателем какого масштаба они имеют дело.

В силу занятости Мирский и Вильямс не смогли откликнуться в печати на лондонское издание «Часов», однако «полпред Англии», много и плодотворно сотрудничавший с журналом «Славоник ревью», пристроил туда перевод одной из лучших дореволюционных статей о «Часах» — рецензию 1908 г. весьма почитаемого им М. Гершензона³⁴, «одного из первых критиков, отметившего великий, самобытный гений Ремизова, в то время, когда даже самые рьяные модернисты относились к нему с холодным безразличием»³⁵.

Рецензия Гершензона, чей перевод появился на страницах малотиражного академического журнала, разумеется, не могла повлиять на восприятие книги «великого, самобытного гения». Впрочем, подготовленный Курносом сборник, по крайней мере, в количе-

³³ Ibid.

³⁴ *Herschensohn M.O. Chasy (The Clock). By A. Remizov / trans. by H. Epstein // The Slavonic Review. 1925. V. 4. № 10. P. 241–243.*

³⁵ *Mirsky D. Michael Herschensohn // The Slavonic Review. 1925. V. 4. № 10 (June). P. 174.*

ственном отношении, получил неплохую прессу: более двадцати отзывов в разнокалиберных периодических изданиях США и странах Британского содружества, включая солидные столичные еженедельники («Спектейтор», «Нью стейтсмен», литературное приложение «Таймс») и региональные газеты далеких доминионов, вроде новозеландской «Окленд стар» или австралийской «Реджистер».

Однако, поражая воображение своим количеством и географическим охватом — от Лондона до южной Австралии и Новой Зеландии, — критические отзывы на «Часы» не радуют богатством содержания: преимущественно это были фрагменты обзорных статей или крохотные мини-рецензии и аннотации, представлявшие собой набор оценочных суждений, как правило, не подкрепленных текстуальным анализом (в лучшем случае его заменял пересказ незамысловатой фабулы «Часов»). Их авторами были не именитые критики — ранга Мирского или тех соотечественников Ремизова, кто писал о нем до революции (Белый, Блок, Волошин, Гершензон, Гумилев, Ходасевич, Чуковский), а, по большей части, безвестные литературные поденщики, не способные (хотя бы в силу жанровых ограничений и незнания русского языка) дать хоть сколько-нибудь полное представление о творчестве разбираемого автора и вписать его произведения в контекст современной литературы.

Зато вслед за автором предисловия, соглашаясь или споря с ним, каждый второй рецензент сопоставлял автора «Часов» с Достоевским.

По мнению обозревателя литературного приложения «Таймс» Ричарда Шарка (Charques, 1899–1959), «как по технике исполнения, так и по своей этической проблематике», произведения, вошедшие в сборник, «не могут не наводить на мысль о сходстве с Достоевским. Но в них нет столь же яркого духовного огня, столь же страстного визионерства, и, как следствие, психологизм у Ремизова, хотя и основан на том же дуализме характеров, охватывает менее сложную человеческую деятельность»³⁶.

Анонимный рецензент из новозеландской газеты «Доминион» (Веллингтон) начал свой отзыв с утверждения: «Есть что-то от Достоевского в четырех произведениях Алексея Ремизова», — и тут же пояснил: «Но если в творчестве Ремизова много от божественного качества Достоевского — жалости, то в гораздо большей степени его отличает компактность и сила внушения. <...> Он более сдержан в своих мистических концепциях, чем некоторые другие русские

³⁶ <Charques R.> The Clock // Times Literary Supplement. 1924. October 30 (№1189). P. 683.

писатели, и его стиль обладает словесной красотой, которая редко присутствует в “Преступлении и наказании”, “Братьях Карамазовых” и других творениях Достоевского»³⁷.

Другие рецензенты, сопоставлявшие автора «Часов» с его великим предшественником, отдавали явное предпочтение последнему: «Картина, созданная Ремизовым, не похожа на огромные, размашистые полотна Достоевского. В этих полотнах, какими бы жестокими и ужасными они ни были, воссоздана вся жизнь <...>. В “Часах”, поскольку холст меньше и место действия ограничено, уродство фигур более четко очерчено. <...> Автор, однако, лишь отчасти составляет единое целое с творениями своего разума. Из-за этого он очень далек от великого мастера, которому подражает. Он карикатурист. Снисходительное сострадание — это не истинное сострадание. Костя — его настоящее детище; остальных персонажей он едва терпит»³⁸; «Конечно, можно покорно бормотать (что разумеется, уже неоднократно делалось), “как это похоже на Достоевского”, но на самом деле разница между Достоевским и Алексеем Ремизовым очевидна — это разница между ночным кошмаром и напряженным состоянием бодрствующего сознания»³⁹.

Большинство рецензентов, объявлявших Ремизова наследником Достоевского или Тургенева, или всех известных им русских классиков, отнеслось к автору «Часов» весьма благодушно. Например, американско-ирландский писатель и критик Эрнест Бойд (Boyd, 1887–1946), убеждал читателей в том, что «Ремизов воплощает в себе почти все характерные русские традиции, Гоголя, Достоевского и народной сказки, и перевод г-на Курноса вызовет спрос на большее количество его книг»⁴⁰.

Ричард Шарк, ссылаясь на статью своих предшественников, Мирского и Вильямса, и почти дословно повторяя их формулировки, рекомендовал «Часы» как «первый английский перевод произведения Алексея Ремизова, самого одаренного и значимого из молодых русских писателей современности», чье «творчество, несомненно, — самый оригинальный вклад в русскую литературу после смерти Чехова»⁴¹.

«В отличие от некоторых русских писателей, которые недавно были представлены в переводах американской публике, Алексей

³⁷ A Russian Novelist // Dominion. 1925. V. 18. February 14 (№ 121). P. 19.

³⁸ Benét L. Rec.: The Clock. By Aleksei Remizov. Authorized translation by John Courmos. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1925 // Commonweal. 1925. V. 2. № 19 (September 16). P. 457.

³⁹ A Russian and English Writer // Yorkshire Evening Post. 1924. December 9. P. 6.

⁴⁰ Boyd E. Romain Roland and others // Bookman. 1925. V. 61. № 2 (April). P. 223.

⁴¹ <Charques R.> The Clock. P. 683.

Ремизов, по-видимому, является автором, заслуживающим международной репутации. — утверждал анонимный доброхот из “Книжного обозрения ‘Нью-Йорк Таймс’”. — Его творчество во многом следует традициям Достоевского, Тургенева и других русских романистов-классиков. Ремизов вполне достоин того, чтобы его считали учеником этих мастеров, поскольку демонстрирует широту взгляда, мрачную силу, дар сочувствия и аналитические способности, которые сделали бы его ценным приобретением для литературы любой страны»⁴².

Ему вторил аноним из другой «Таймс», парижской, ничтоже сумняшеся назвавший свой отзыв «Преемник Тургенева»:

Большинству из тех, кого называли преемниками Достоевского, Тургенева и Чехова, не удалось достичь таких гигантских масштабов; на самом деле, лишь в редких случаях эта ниша была хотя бы отчасти заполнена. И все же с именем Алексея Ремизова появляется новая надежда.

Работая в традициях этих поистине великих мастеров, он демонстрирует широту взглядов, мрачную силу, дар сочувствия и аналитические способности, которые ставят его на высокий уровень. Он истинно русский — своим мрачным мировоззрением, сосредоточенностью на отвратительных и трагических фактах существования, но еще больше — представлением о беспечной и неумолимой судьбе, по сравнению с которой человеческие жизни и стремления подобны камешкам, беспорядочно разбросанным случайными порывами ветра и волнами прилива⁴³.

Тем не менее среди англо-американских критиков, откликнувшихся на выход «Часов», было и немало недоброжелателей, использовавших сравнение с Достоевским, чтобы «задеть кадилом» «преемника Тургенева».

Так, американец Джозеф Крутч (Krutch, 1893–1970) в двойной рецензии на книги Пильняка⁴⁴ и Ремизова обвинял обоих в том, что они «создали своего рода вывернутый наизнанку эстетизм, который играет с уродством, точно не зная, почему он это делает», а потому «их истории на редкость лишены интеллектуального или эмоционального содержания»; они «эмоционально статичны, потому

⁴² From the Russian // New York Times book review. 1925. January 18 (№ 24466). P. 17.

⁴³ Succeeding Turgienev // Paris Times. 1925. February 14 (№ 253). P. 4.

⁴⁴ Pilniak B. Tales of the Wilderness / transl. by F. O'Dempsey, with an introduction by Prince D.S. Mirsky. N.Y: Knopf, 1924. 92 p.

что конфликты в них заканчиваются еще до того, как начинаются, а трагедии в них нет, потому что она воспринимается как нечто само собой разумеющееся»⁴⁵. Полемизируя с Курносом, Крутч с истовостью религиозного проповедника уличал автора «Часов», поскольку у него «почти полностью отсутствует то, что делает писателя, с которым его так небрежно сравнивают, великим, а именно — страсть. Каким бы плохим Достоевский не считал наш мир, он никогда не переставал всей своей неистовой душой возмущаться его несовершенством. Горькие результаты его героических усилий вызывали у него отчаяние, но Ремизов, конечно, принимает как данность всё, против чего протестовал Достоевский». Именно по этой причине, делал вывод американский критик, произведения Пильняка и Ремизова «интересны как свидетельство душевного состояния, до которого опустились авторы, но они до странности неподвижны, потому что лишены драматизма. Персонажи уже потеряли всё, что можно было потерять, а авторы опустились в самую глубокую яму, в которую только можно опуститься»⁴⁶.

«Даже английские почитатели Достоевского сочтут творчество этого человека чужеродным, — безапелляционно заявлял рецензент из старейшего британского журнала “Спектейтор”, скрывшийся за криптонимом “С”. — Главы, описывающие специфическую славянскую истерию и безответственный демонизм, понятны у Достоевского, потому что так ярко опровергаются изображением жизни в ее нормальных проявлениях. Более умеренные англосаксонские разновидности этого мы встречали и в нашей литературе: в “Короле Лире”, “Грозовом перевале”, “Джоне Инглесанте”⁴⁷. Ремизов же с поэтическим нетерпением убирает трудоемкие психологические подмостки и предлагает нам роман, в котором исполненные символизма события развиваются слишком быстро для здравого смысла и рассказаны наполовину ритмизованной прозой. Результатом стала новая для нас форма, не сопоставимая даже с лирическими рапсодиями в прозе Джеймса Джойса»⁴⁸.

Литературный обозреватель еженедельника «Нью стейтсмен» Джон Франклин также не слишком лестно отозвался о творении «преемника Тургенева». Свою статью он облек в излюбленную критиками XIX в. форму диалога (когда в уста вымышленного

⁴⁵ *Krutch J. New Russia or Old? // Nation. 1925. V. CXXV. № 3110 (February 11). P. 163, 164.*

⁴⁶ *Ibid. P. 164.*

⁴⁷ Исторический роман английского писателя Джозефа Шортхауса (1843–1903).

⁴⁸ *C. Russian literature since the revolution // Spectator. 1924. V. 133. November 29. P. 840 suppl.*

оппонента вкладываются заранее проигрышные суждения, которые с легкостью разбивает *alter ego* критика), причем в роли визави выступала его домохозяйка, чьи бурные восторги Ремизовым были немедленно пресечены автором:

<...> Что вы думаете о «Часах»?

— О, очаровательно! Школа Достоевского, но более утонченная, поскольку все наше сознание сегодня более утонченное. Конечно, я думаю, что русский мистицизм — это фундаментальная ошибка, отвлекающий маневр, но нужно признать...

— Признайте, что это не имеет ничего общего с Достоевским или с русским мистицизмом. Ужасное у Ремизова так же отличается от Достоевского, как мел от сыра. Лучше скажите: «Гофман» или «По», если вам нужно установить родство. Но это русский Эдгар По, и, следовательно, ужасы у него — с привкусом убожества и жестокости, безумие — с оттенками бестолковщины, в то время целое изображается с проблесками пафоса и нежности. Он представляет интерес для гурманов, но с литературной точки зрения — вторичен. От него — мурашки по коже, но он не трогает душу⁴⁹.

Мрачный натурализм «Часов» и малоаппетитные физиологические подробности, связанные с одним из главных героев, Костей, произвели гнетущее впечатление на рецензентов. «Костя, с его кривым носом, который крутит большую стрелку городских часов, ощущая себя хозяином времени; который собирает блох; который воображает, что откладывает яйца, и так далее, и тому подобное, остается в памяти, это правда, но только потому, что внушает физическое отвращение, — сварливо замечал аноним из «Йоркшир ивнинг пост»⁵⁰. На другом конце света, в далекой Аделаиде, появился еще более неприязненный отзыв — с многозначительным заглавием «Малоприятный русский» и зачином, не предвещавшим «наиболее русскому из русских писателей» ничего хорошего: «Некоторые из нас чрезмерно преувеличивают значение русской литературы...»⁵¹. Если свое время Гершензон увидел в «омраченных душах» ремизовских героев прорывающуюся наружу «божественную искру» и считал, что автор «Часов» был преисполнен «чувством восторженной скорби при виде мечущегося во тьме

⁴⁹ *Franklin J.* New Novels // *New Statesman and Nation*. 1924. V. 25. November 22. P. 205.

⁵⁰ *A Russian and English Writer* // *Yorkshire Evening Post*. 1924. December 9. P. 6.

⁵¹ *Penn J.* The Unpleasant Russian // *The Register*. 1925. April 25 (№ 26311). P. 5.

и грязи человечества»⁵², то австралийский зоил нашел в романе только «одержимых бесами» персонажей и «подробные описания болезней и жестокостей», что привело его к заключению: «Как и в случае с подавляющим большинством русских авторов, вывод кажется неизбежным: писателю действительно нравится говорить о таких вещах»⁵³.

Другой антипод, анонимный обозреватель из газеты «Окленд стар», назвал «Часы» «этюдом о депрессии» и предрек, что он «по-нравится только тем, кто уже приобрел вкус к подобным произведениям. В нем есть что-то совершенно чуждое британской традиции художественной литературы, хотя некоторые британские писатели делают все возможное, чтобы скопировать русские методы»⁵⁴.

Вполне ожидаемо некоторые рецензенты рассматривали автора и героев «Часов» сквозь призму присущих среднему британцу шаблонных представлений о России и загадочной славянской душе. Весьма показателен анонимный отзыв из лондонской «Дейли ньюс», красноречиво озаглавленный «Русская загадка», едва ли не наполовину состоящий из перечня такого рода стереотипов:

Уродство, болезни и смерть — постоянные темы большинства русских авторов, если, конечно, те, кого переводят на английский, типичны. И этому легко найти объяснение. Жизнь в России, должно быть, всегда была, по сравнению с жизнью в Западной Европе, полна резких контрастов; болезни там распространены гораздо больше, чем здесь; страдания и ужасы, связанные с природой и законами, более жестокие, бедность — безысходнее. Британец из глубин почти совершенного невежества неизбежно рисует в воображении картину того, что он называет славянской душой, и называет ее мечтательной, мистической, жестокой. <...>

У Достоевского, прежде всего, мы встречаем то странное сочетание почти безумной жестокости с христоподобным смирением и сочувствием, которое многие из нас, не особо знакомые с этим предметом, смутно ощущают как доминирующую ноту в современной русской литературе. Кто может сказать, в какой мере неуловимый дух нации обусловлен ее географическими и экономическими условиями? Происходят ли меланхолия и мистицизм

⁵² Г. <Гершензон М.О.>, Алексей Ремизов. «Часы». Роман. Изд. Eos. СПб., 1908 // Вестник Европы. 1908. Кн. 8. С. 769.

⁵³ Penn J. The Unpleasant Russian. P. 5.

⁵⁴ Literary // Auckland Star. 1924. December 20 (№ 302). P. 18.

от голода и снегов или из какого-то более глубокого и духовного источника?

Так или иначе, но, как кажется британскому читателю, эти причины существуют, и Ремизов не является исключением из общего правила⁵⁵.

В каждой второй рецензии неизбежно поднимался вопрос о качестве перевода. Здесь голоса разделились примерно поровну. Одни (явно русским не владевшие и роман в оригинале не читавшие) заверяли читателей, что «перевод выполнен Джоном Курносом на превосходном английском»⁵⁶ и одаривали переводчика дежурными комплиментами: «Г-н Курнос, должно быть, столкнулся со многими препятствиями, но ему удалось предоставить нам версию, которую можно было бы принять за оригинальное произведение, а не за перевод»⁵⁷. Другие утверждали, что «переводчик выполнил свою работу в буквалистской манере, и это привело к тому, что мы получили перевод, который передает шум и ярость писательского гения, но не его суть», что переводчик «не обращая внимания ни на стиль, ни на смысл, <...> заблудился среди символов, так и не постигнув их тайны»⁵⁸.

Бывший соотечественник автора «Часов» Авраам Ярмолинский (1890–1975), в 1913 г. эмигрировавший из России в Америку и сделавший там карьеру литературоведа и переводчика, счел книгу «неблагодарной попыткой представить Ремизова английской публике». «Вполне возможно, — пояснял он, — что восприимчивая, пусть и иностранная, аудитория могла бы быть тронута его полустерической чувствительностью. Но в своих лучших проявлениях Ремизов использует настолько своеобразный, настолько идиосинкразический язык, что оказывается замкнутым в нем»⁵⁹.

Ричард Шарк, назвав Ремизова «одним из самых непере译имых писателей», высказался более деликатно: «Г-н Курнос полностью осознавал трудность адекватного перевода его произведений и предпринял смелую, хотя и несколько неудовлетворительную попытку. Но переводы по необходимости несовершенны, и мужество г-на Курноса заслуживает благодарности, а его мастерство — уважения»⁶⁰.

⁵⁵ The Russian puzzle // Daily News. 1924. December 9. P. 8.

⁵⁶ Literary // Auckland Star. 1924. December 20 (№302). P. 18.

⁵⁷ C. Russian literature Since Revolution // Spectator. 1924.V. 133. November 29. P. 840 suppl.

⁵⁸ A Russian and English Writer // Yorkshire Evening Post. 1924. December 9. P. 6.

⁵⁹ Yarmolinsky A. Rec.: The Clock. By Aleksei Remizov. Authorized translation by John Cournos. N.Y.: Alfred A. Knop, 1925 // New York Herald Tribune. 1925. March 15. P. 11.

⁶⁰ <Charques R.> The Clock. P. 683.

В заключительной части статьи о Гершензоне, предварявшей перевод его рецензии 1908 г., Мирский утверждал, что для английских читателей она представляет особый интерес, «поскольку впервые дает высокую оценку писателю такого рода, который теперь считается классиком», и высказал твердую уверенность в том, что перевод «Часов» «откроет длинную череду английских переводов замечательного русского автора»⁶¹.

Основания для подобного оптимизма были. Как раз в это время вовсю шла работа над вторым англоязычным сборником ремизовской прозы, куда вошли повести «Неуемный бубен» и «Пятая язва». Переводы были выполнены подающим надежды литератором, выпускником Кембриджского университета Алеком Джоном Чарлзом Брауном (Brown, 1900–1962), которого рекомендовал Ремизову его давний приятель, историк литературы и фольклорист Е.В. Аничков (вместе с Мирским он редактировал брауновский перевод) — в письме от 27 апреля 1924 г.: «Пишу Вам об молодом англичанине, настоящем начинающем поэте Брауне, которого Вам представляю этим письмом. Обласкайте. Славный. Переводит Лермонтова и на мое понимание превосходно. <...> Браун хочет переводить. Он читал мне отрывки из Стратилатова. Любовно сделано и по-русски знает и по-английски произносится» [6, с. 294].

Весьма лестно отзывался об «Олеге Ивановиче Брауне» и Д. Святотоплук-Мирский: и в посланиях канцеляриусу Обезвельволпала, и в письмах Чарлзу Прентису, главе лондонского издательства «Чато и Уиндас», которого настойчиво убеждал издать брауновский перевод «Неуемного бубна»: «Это, безусловно, ремизовский шедевр в том, что касается более традиционных литературных жанров. <...> Что касается перевода, конечно, некоторые особенности оригинала сохранить не удалось, но, по моему мнению, перевод настолько хорош, насколько этого можно было ожидать в данных обстоятельствах, и английский язык <переводчика>, кажется, тоже очень хороший» [7, с. 358–359].

Судя по переписке, завязавшейся между Ремизовым и его новым переводчиком, оба прониклись друг к другу искренней приязнью: в январе 1925 г. «Олег Иванович» стал кавалером Обезвельволпала, «переводчиком и управляющим английской обезпропаганды», и в письме Ремизову называл себя «обезьяним мостом между русской мыслью и английскою» [9, с. 103].

⁶¹ *Mirsky D.S. Michael Herschensohn... P. 174.*

Свое почетное звание Браун оправдал в полной мере: помимо переводов двух повестей и нескольких рассказов Ремизова, опубликованных в англоязычной периодике⁶², он написал обстоятельное предисловие, которое, наряду с работами Мирского и Вильямса, можно отнести к лучшим образчикам англоязычной ремизовианы. В нем он не только увлекательно изложил биографические сведения о Ремизове и рассказал об истории Обезвельволпала, не только дал тонкий анализ переведенных им повестей, но и обрисовал творческую индивидуальность писателя, соотнеся ее с русской литературной традицией.

В отличие от предшественников, классиков XIX столетия, которых, по мнению автора предисловия, «в первую очередь интересовала пропаганда социологических теорий или решение общественных проблем», Ремизов «прежде всего — художник. Кроме того, он зрелый художник, поскольку в первую очередь заботится не только о том, чтобы создать как можно более совершенное произведение искусства, но и относится к нему отстраненно, не позволяя эмоциям вмешиваться в процесс его создания; он осознанно выбирает, формирует, а затем собирает мозаику из своих материалов»⁶³.

В то же время «это не значит, что рассмотрение человеческих проблем, то, что некоторые назвали бы духовной стороной книги, для него второстепенно, — уточняет Браун. — Ремизов не является последователем доктрины “искусство для искусства”». «Дитя русского символизма», Ремизов, по мнению Брауна, «вырос здоровым ребенком, свободным от родительского влияния. Хотя он сохраняет <...> символистскую веру в индивидуально-утилитарную природу искусства, он явно оставил туманные религиозные устремления, к которым символизм приводил таких авторов, как Блок, и обратился к более реальному восприятию окружающей его жизни»⁶⁴.

В конце предисловия Браун подробно изложил свою систему транскрипции русских имен и сформулировал главный принцип, которым руководствовался, приступая к переводу ремизовских повестей: «...английская версия должна быть такой, какой она вышла

⁶² «Свет слова» (The Light of Speech // The Dublin magazine. 1927. V. 2. № 1. P. 7–10), «Без пяти минут барин» (Five Minutes to Gentleman // The Dublin magazine. 1927. V. 2. № 1. P. 11–13), «Пожар» (The Burning / trans. by A. Brown // The Calendar of Modern Letters. 1927. V. 4. № 2. P. 6–12).

⁶³ Brown A. Preface // Remizov A. The Fifth Pestilence and The History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass: Ivan Semyonovitch Stratilatov, trans. from Russian by Alec Brown. London: Wishart, 1927. P. xvi–xvii.

⁶⁴ Ibid. P. xvii, xviii.

бы из-под пера самого Ремизова, если бы он, оставаясь Ремизовым, владел английским языком и писал о русской жизни для англичан»⁶⁵.

Несмотря на то, что Прентису работа Брауна понравилась, «издание обличительных и, по тогдашним представлениям, богохульных произведений Ремизова, к тому же явно не суливших коммерческого успеха, решено было не предпринимать. Перевод ремизовских повестей был напечатан лишь в 1927 г. в леворадикальном издательстве “Уишарт и К°” (Wishart & Co) перекупившем права на издание у “Чатто и Уиндас” за 164 фунта 5 шиллингов и 10 пенсов» [7, с. 353].

Англоязычная пресса не оставила без внимания очередное издание «возможно, величайшего из ныне живущих русских романистов»⁶⁶. Правда далеко не все критические отклики могли вдохновить английских книголюбцев, поскольку даже благожелательно настроенные рецензенты, осыпая комплиментами «величайшего из ныне живущих русских писателей», давали понять: далеко не каждому придется по вкусу тематика его произведений, равно как и весьма своеобразный стиль — «судорожный, узловатый, флегматичный», стиль, который «излучает почти яростную философию, вспыхивает и гремит с Карлейлевской мощью», только «читатели, чей интерес к художественной литературе выходит за ограниченные рамки, получают, по крайней мере, пользу (получить удовольствие тут вряд ли возможно) от изучения перевода, сделанного Алеком Брауном»⁶⁷.

Примерно в том же духе высказался Ричард Шарк, одаривший автора «Пятой язвы и «Неуемного бубна» кисло-сладкой рецензией. Признав, что переведенные повести Ремизова «несомненно, яркие и мощные», что «они считаются лучшими образцами его прозы», он тут же оговорился: «...трудно сказать, как много они могут значить для иностранного читателя — для любого, кто не знаком с русской провинциальной жизнью до революции или с причудами русской литературной традиции со времен зарождения символизма. Читатель, которому понравился перевод его раннего романа “Часы”, столкнется здесь с гораздо большими трудностями <...> Английский читатель, шокированный обобщенной картиной российской провинциальной жизни, не почувствует ничего, кроме тошноты, читая “Пятую язву”»⁶⁸.

⁶⁵ Ibid. P. xxv.

⁶⁶ Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927 October 18. P. 2.

⁶⁷ The Genius of Remizov // Dundee Courier. 1927. December 20. P. 9.

⁶⁸ <Charques R.> Remizov in English // Times Literary Supplement. // 1927. November 17 (№ 1346). P. 835.

Алана Блэнда, сотрудника основанного Г.К. Честертоном журнала «Джи-Кейз Уикли», содержание ремизовских повестей, действительно, шокировало. «Главное впечатление при чтении этой книги, похожей на “Улисса” Джойса если не по манере, то по содержанию, — жалость к автору, сознание которого отягощено бременем бесплодной непристойности, ужаса и одиночества», — начав свой отзыв с обличительной ноты, он сравнил автора «Пятой язвы» с «реформатором-кальвинистом, чью подавленную чувственность мы можем обнаружить в сладострастности его речей, осуждающих непристойность», и обвинял его в смаковании изображаемых им пороков: «Его цель — обличить пороки, о которых он пишет? Но это ему не удастся. Можно высмеивать глупость или коррупцию, но только не злобу или садистскую жестокость: они не входят в сферу сатиры»⁶⁹. «Главное достоинство книги, — язвительно замечал критик, — в том, что ни читатели “Морнинг пост”, ни читатели “Дейли геральд” не узнают изображенную в ней картину. Герои Ремизова, Бобров или Стратилатов, мало кого заинтересуют». (При этом он полагал, что в «Пятой язве» «рассказывается о жизни маленького провинциального городка Студенец в Советской России».)⁷⁰

Американские рецензенты, откликнувшиеся на нью-йоркское издание сборника, в большинстве своем были настроены скептически.

По мнению критика Артура Брауна Рула (Ruhl, 1876–1935), «“Пятая язва” Ремизова — это лакомство для тех, кто интересуется “книгами, которые отличаются от других”, как говорится на обложке, а не обычная пища для обычных людей. Чтение романа в оригинале, где изощренно-заковыристый стиль автора имеет специфическую национальную окраску, а тем более — русскими, для которых его озорные высказывания о том и сем могут быть восприняты во всей их полноте, несомненно, даст больше, чем знакомство с английским переводом читателей, которые имеют о России весьма смутное представление. Переводчик, г-н Алек Браун, проделал свою работу, стоя на коленях и уткнувшись лбом в пыль, так что, по-видимому, к тексту автора отнеслись с подобающей заботой. В лучшем случае, Ремизов, похоже, взбалтывает воду в очень грязной луже»⁷¹.

Еще резче высказалась о книге «наиболее русского из русских писателей» американская писательница и переводчица Бабетт Дэйч

⁶⁹ A.B. <Bland A.> Rec.: The Fifth Pestilence, together With the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, and Ivan Semyonovitch Stratilatov. L.: Wishart, 1927 // G.K.'s Weekly 1928. January 21. P. 915.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ruhl A. Books of Special Interest // Saturday Review of Literature. 1928. V. 4. May 12. P. 866.

(Deutsch, 1895–1982): «Изначальная трудность, мешающая наслаждаться Ремизовым в переводе, заключается в том, что его стиль практически невозможно воспроизвести на другом языке. Отвратительные персонажи Ремизова так же ужасны, так же уродливы, так же скучны, так же изобилуют дьявольскими нелепостями и абсурдными непристойностями, как и всё в русской художественной литературе. Но в них так много папье-маше. По-настоящему они не вызывают отвращения, поскольку не веришь в их существование»⁷².

Анонимный рецензент из «Книжного обозрения “Нью-Йорк Таймс”», определивший Ремизова «как символиста с оттенком странного, “подпольного” Достоевского», отдал должное его дарованию: «...каким бы чрезмерным ни был ремизовский маньеризм, его сочинения, особенно ранние, заслуживают внимания — в отличие от работ его последователей. Несмотря на все свои выкрутасы, он, несомненно, талантливый писатель», — и признал, что «он превосходно изображает агрессивную пошлость, злобу и порочность провинциальной жизни», но в то же время забраковал его повествовательную манеру в целом:

История излагается нарочито причудливо, с ничем не оправданными длинными отступлениями, неожиданными вставками и т.д. Поклонники Ремизова от этого в восторге: он, видите ли, обращается со своим материалом «как непревзойденный мастер мозаики». Для обычного любителя литературы чтение превращается в непрерывное распутывание узлов. И это досадно, потому что в рассказе есть отрывки, которые очень эффектны и производят глубокое впечатление. Если бы Ремизов был менее «оригинален», он, безусловно, был бы очень интересен⁷³.

Разумеется, среди отзывов на книгу были и хвалебные, так что при желании их вполне можно было бы использовать в качестве рекламных аннотаций для мягкообложечных переизданий (если бы таковые воспоследовали):

«Пятая язва» — книга первостепенной важности, это классика как русской, так и европейской литературы <...> Нет сомнений в том, что Ремизов — великий художник. Мастерство и эконом-

⁷² *Deutsch B. Rec.: The Fifth Pestilence, together With the History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass, and Ivan Semyonovitch Stratilatov* N.Y.: Payson & Clarke, Ltd., 1928 // *New York Herald Tribune (Books)*. 1928. April 22. P. 12.

⁷³ *A Russian Stylist* // *New York Times book review*. 1928. May 13 (№ 25677). P. 17.

ность, с которыми написаны повести, насыщенность стиля, своеобразие мироощущения и средств изображения — всё это делает его выдающимся писателем. Он, как и Т.Ф. Поуис⁷⁴, с которым у него есть некоторое родство, духовный реалист. В нем есть что-то от глубины Достоевского, юмора Гоголя, проницательности Чехова и чувства меры Тургенева. Его превосходно нам подал переводчик, Алек Браун, чья английская версия отличается настолько выдержанной атмосферой, что ее никогда не примешь за перевод. Г-н Браун, очевидно, лучший переводчик Ремизова; мы надеемся, что вскоре он позволит нам ознакомиться с творчеством писателя подробнее⁷⁵;

Проблески чистого гения освещают эту книгу, несмотря на то что некоторые эпизоды навевают скуку. Но насколько же она ярка и близка к жизни, насколько четко выделяются ее персонажи: трагикомичные, благородно-убогие обитатели провинциального русского города. Ремизову присущи черты диккенсовской манеры...⁷⁶;

«Пятая язва» считается шедевром Алексея Ремизова, которого многие критики называют величайшим из ныне живущих русских писателей, и, читая его в превосходном переводе, можно легко понять, в чем сила этого автора. Как и в большинстве творений великих русских писателей, здесь изображена Россия, изображен фаталистический русский менталитет; кроме того, это произведение обладает качеством, которое отличает его от других: колоритным, идиоматическим и разговорным стилем, которым автор владеет виртуозно. Никто из тех, кто хочет познакомиться с лучшим в современной русской литературе, не может позволить себе пройти мимо этой книги⁷⁷.

Уважительный интерес к Ремизову высказал и шотландский критик, поэт и переводчик Эдвин Мюир (Muir, 1887–1959). Он оспорил мнение Брауна и тех критиков, кто ставил Ремизова на одну доску с Достоевским — «Очевидно, что Ремизов — писатель с оригинальным и гротескным воображением, одновременно восхити-

⁷⁴ Теодор Фрэнсис Поуис (Powys; 1875–1953) — английский писатель валлийского происхождения. Для произведений Поуиса характерны притчевость и аллегоризм.

⁷⁵ Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927 October 18. P. 2.

⁷⁶ Rec.: The Fifth Pestilence and The Tinkling Cymbal and Sounding Brass. By Alexei Remizov. Tr. by Alec Brown. L.: Wishart, 1927 // New Age. 1927. V.42. № 2 (November 10). P. 23.

⁷⁷ Rec.: The Fifth Pestilence. By Alexei Remizov. L.: Wishart, 1927 // The Chicago tribune and the Daily news. 1928. February 20. P. 5.

тельный и “вызывающий раздражение”; но он, по-видимому, так же мало сопоставим с Достоевским, как Кэтрин Мэнсфилд — с Эмили Бронте: он не того масштаба и обладает лишь малой толикой его силы», — и тем не менее благосклонно рекомендовал его книгу к прочтению, выразив надежду, что «остальные произведения Ремизова будут переведены: судя по имеющимся данным, его вряд ли можно назвать великим писателем, однако он, очевидно, увлекательный, оригинальный и очень образованный человек, интересный как своим весьма своеобразным, а иногда и по-настоящему мощным воображением, так и эффективностью и новизной средств, которые он использует для его выражения»⁷⁸.

Неутомимый «посол Обезвельволпала при Дворе Сент-Джеймс», много сделавший для выхода книги, на сей раз не дал развернутый отзыв, а лишь упомянул ее в литературном обзоре, где, среди прочего, рекомендовал читателям «совершенно очаровательный» сборник «Книга медведя», куда вошли переводы нескольких «неподражаемых сказок Ремизова о животных» («Медведюшка», «Колыбельная пень», «Зайчик Иваныч» и «Заячья губа») ⁷⁹. Назвав Алека Брауна «переводчиком исключительных достоинств», а «выбор двух шедевров Ремизова особенно удачным», Мирский пожурил его и других английских критиков за «совершенно неуместные сравнения» Ремизова с Достоевским: «Ремизов, по крайней мере в этих повестях, живописует сугубо русские характеры и специфическую атмосферу, а не является, подобно Достоевскому, создателем общечеловеческих, величаво-трагических и возвышенно-ирреальных демонов»⁸⁰.

Справедливости ради заметим: в своих русскоязычных статьях Мирский причислял Ремизова к «законным потомком Достоевского»⁸¹, а англоязычные критики, писавшие о «Пятой язве» и «Неуемном бубне», на сей раз не ограничивались сравнениями с Достоевским, а так или иначе пытались представить творчество Ремизова в привычном для читателей литературном контексте, обогатив палитру реминисценций и ассоциаций упоминаниями как современных авторов (Джойса, Поуиса), так и классиков английской

⁷⁸ Muir E. Rec.: The Fifth Pestilence and The Tinkling Cymbal and Sounding Brass. By Alexei Remizov. Tr. by Alec Brown. L.: Wishart, 1927 // The Nation & The Athenæum. 1927. V. 42. № 3 (October 22). P. 122.

⁷⁹ D.S.M<irsky> Rec.: Solitaria. By V. Rosanov. Translated by S. Koteliensky. L.: Wishart, 1927: The Fifth Pestilence, together with The History of Tinkling Cymbal and Sounding Brass, Ivan Semenovitch Stratilatov. By Alexey Remisov, translated from the Russian with a preface by Alec Brown. L.: Wishart, 1927; The Book of the Bear. By Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: Nonesuch Press, 1927 // The Slavonic Review. 1929. V. 7. № 20. P. 457–458.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Святотолк-Мирский Д. Критические заметки // Вёрсты. 1928. № 3. С. 155.

литературы (Диккенса, Карлейля). (А одна из составительниц «Книги медведя», филолог Джейн Харрисон (Harrison, 1850–1928) в предисловии сравнивала Ремизова с Эзопом: «...со времен Эзопа никто с таким вкусом не писал о зверях (особенно о медведях), как Ремизов»⁸².)

Более осмысленными были и трактовки конкретных персонажей, в частности, протагониста «Пятой язвы». Если Ольгин в своем «Путеводителе» выставлял Боброва в положительном свете — чуть ли не провинциальным Прометеем («Его протест против окружающих сил безмолвен, но неумолим. Это гигантская борьба одного немногословного человека со злом мира, поглотившего даже его жену и детей. В трагических чертах героя легко узнать самого автора» [14, р. 286]), — то в рецензиях на сборник 1927 г. высказывались прямо противоположные суждения: противопоставляя честного служаку Боброва диковатым обывателям провинциального Студенца, критики отдавали предпочтение последним, считая, что добродетели Боброва «мало что значат», а «члены социального клуба, несмотря на всю свою подлость и скотство, все еще остаются людьми»⁸³.

Именно он главный злодей ремизовской повести, единственный настоящий злодей, — утверждал Р. Шарк. — Почему? Потому что его особая добродетель — самый бесчеловечный и наименее простительный из грехов. Бобров бесчеловечен. Бобров — пятая язва. <...> С высоты своей честности он смотрит на всех свысока <...>. И это неприятие человечности — абсолютно безнравственно, это сущая чума в человеческих взаимоотношениях. Вот почему Боброва постигает праведная кара судьбы⁸⁴.

Схожим образом интерпретировал авторскую позицию и анонимный рецензент из «Книжного обозрения “Нью-Йорк Таймс”»:

Бобров, — чиновник, отличающийся безупречной честностью, компетентностью и профессионализмом. Но это сочетается в нем с холодной бесчеловечностью. Хотя он никому не причиняет вреда, все его боятся и ненавидят (да еще и клеветают на него). Задохаясь в грязной атмосфере враждебности, он совершает юридическую ошибку, которая ужасно мучает его и приводит к гибели. Весь

⁸² The Book of the Bear: Being Twenty-one Tales Newly / trans. by Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: Nonesuch Press, 1927. P. X.

⁸³ Famous Russian Novelist // Aberdeen Press and Journal. 1927. October 18. P. 2.

⁸⁴ <Charques R.> Remizov in English... P. 835.

город торжествует, и Ремизов, кажется, находит в этом какую-то странную моральную справедливость: это наказание Боброва за его нечеловеческое совершенство⁸⁵.

Примечательно, что отзывы на лондонское издание «Пятой язвы» и «Неуемного бубна» появились и во Франции: на страницах марсельского журнала «Ле Кайе дю Суд» и парижского еженедельника «Звено», в 1920-е — одного из ведущих литературных изданий русского зарубежья. И русский, и французский рецензенты высоко оценили труд переводчика. «Прекрасный пример точной, вдумчивой передачи, внимательной к изгибам текста, тончайшим движениям и едва уловимым намерениям мысли», — нахваливал критик Марсель Брион (Brion, 1895–1984)⁸⁶: «Перевод, представлявший неимоверные трудности, исполнен очень хорошо», — вторил ему автор «Звена»⁸⁷. Но в то время как Брион (почитатель Ремизова, посвятивший ему несколько статей) продолжал рассыпаться в комплиментах автору, обладающему «особым талантом привносить фантастический элемент в самую обыденную жизнь, то обращаясь к божественному, то к демоническому»⁸⁸, его русский коллега раскритиковал и «довольно капризную» брауновскую систему передачи русских имен, и состав сборника: «... Едва ли можно признать удачной самую мысль — преподнести английскому читателю как раз “Пятую язву”. Произведение это едва ли доступно иностранцу без подробного комментария (которого г. Браун не дает), и можно опасаться, что оно автохтонностью своей отпугнет публику от Ремизова, тогда как, при более удачном выборе, он мог бы быть оценен по заслугам и по ту сторону Ла-Манша»⁸⁹.

Какой выбор ремизовских произведений был бы более удачным критик не пояснил, однако его опасения оказались не беспочвенными. Выход двух книг, встреченных разноречивыми отзывами критиков, публикации в журналах и антологиях на некоторое время привлекли к Ремизову внимание английских эстетов и даже создали ему реноме «нового кумира “высоколобых”» (так окрестили писателя в новозеландском еженедельнике, в рубрике «Книги и книголюбы», где

⁸⁵ A Russian Stylist // New York Times book review. 1928. May 13 (№ 25677). P. 17.

⁸⁶ Brion M. Une traduction anglaise d'Alexei Rémizov // Les Cahiers du Sud. 1928. № 100 (Avril). P. 315.

⁸⁷ А. Мелков <Кантор М.Л.> Рец.: The Fifth Pestilence, together with the Tinkling Cymbal and Souding Brass, by Alexei Remizov // Звено. 1928. № 3. С. 181.

⁸⁸ Brion M. Une traduction anglaise d'Alexei Rémizov. P. 316.

⁸⁹ А. Мелков <Кантор М.Л.> Рец.: The Fifth Pestilence... С. 181.

сообщалось о его визите в Лондон)⁹⁰. Среди английских писателей, заинтересовавшихся творчеством Ремизова, был и Джеймс Джойс (если верить третьему изводу набоковской биографии Эндрю Филда, который передает воспоминания Набокова о случайной встрече с автором «Улисса» в конце 1930-х: «Видите ли, у Джойса сложилось впечатление, что Ремизов значим как писатель» [12, р. 188]), «Пятая язва» произвела сильное впечатление на писательницу-феминистку Сильвию Таунсенд Уорнер (Warner, 1893–1978), о чем та поведала в письме от 5 июня 1928 г. романисту Дэвиду Гарнетту (который познакомился с Ремизовым в Париже благодаря Харрисон): «Прочла Ремизова. Он меня совершенно ошеломил. “Пятая язва” подобна последнему взгляду Христа, который он с Креста бросил на мир, когда наступила тьма. Никто никогда не рассказывал мне о нем, и я в своем высокомерии предположила, что он просто еще один из этих унылых русских. Чарльз говорит, что вы с ним встречались и что он похож на обезьяну...»⁹¹.

В целом титанические усилия ремизовских «полпредов», которые «стремились изменить вкусы британской публики — заменить британский энтузиазм к Толстому, Достоевскому и Чехову модернистским пристрастием к Ремизову» [16, р. 190], не увенчались успехом: завоевать англоязычный книжный рынок и закрепиться в сознании американских и британских читателей «наиболее русский из русских писателей» не смог. Черда английских переводов «замечательного русского автора», о которой писал Мирский, оказалась не слишком длинной. В 1930-е у Ремизова не вышло ни одной книги на английском языке. Причин было несколько.

За Ремизовым закрепилась репутация «одного из самых непереводимых писателей». Издания его «автохтонных» книг, построенных на «устаревшем» дореволюционном материале, были убыточными, что не слишком вдохновляло потенциальных издателей⁹². А понукать и соблазнять их стало некому: к концу 1920-х главный ремизовский импресарио, «посол Обезвельволпала при Дворе Сент-Джеймс»,

⁹⁰ Books and bookmen // Otago Witness. 1928. June 5 (№ 3873). P. 78.

⁹¹ Letters of Sylvia Townsend Warner. L.: Chatto & Windus, 1982. P.14.

⁹² В частности, именно этими обстоятельствами представитель издательства «Рутлидж» Герберт Рид мотивировал свой отказ Беатрис Скотт, в 1943 г. предлагавшей издать том ремизовской прозы. Напомнив, что книга 1927 г. оказалась «провальной», Рид резонно заметил: «у аналогичного издания в настоящее время не было бы лучших шансов». «Произведения Ремизова, — объяснял он переводчице, — по-видимому, относятся к типу почти непереводимых, поскольку перевод не передает тех лингвистических качеств, от которых так сильно зависят достоинства оригинала. В сложившихся обстоятельствах мы считаем, что не можем рекомендовать Вам продолжать перевод следующего тома произведений Ремизова. Однако мы всегда будем рады рассмотреть любые другие Ваши предложения»; цит. по: [16, р. 196].

охладел к своему протеже. «Общение и совместная деятельность окончились личным, а возможно, и идеологическим отчуждением, по крайней мере со стороны Мирского, когда его терпение не выдержало непрекращающихся, назойливых и надоедливых просьб Ремизова» [11, с. 339]. К тому же с середины 1920-х гг. интерес западной публики к эмигрантским писателям резко упал: русская литература стала ассоциироваться прежде всего с писателями Страны Советов. «Советская литература завоевывала ведущие позиции как в университетах, так и в издательствах Запада» [3, с. 359], а переводчики, управляемые «невидимой рукой рынка», поспешили удовлетворить запросы публики. Тот же Алек Браун после неудачной попытки доработать перевод «Оли», затеянный ремизовским поклонником, писателем и переводчиком Владимиром Диксоном (1900–1929)⁹³, обратился к произведениям Б. Пильняка⁹⁴, Л. Леонова⁹⁵, Н. Островского⁹⁶, Ю. Тынянова⁹⁷.

Упоминания о Ремизове, главным образом, о его дореволюционных произведениях, изредка встречаются в англоязычной печати начала 1930-х гг. (отметим статью «Новые тенденции в русской литературе» из мельбурнской газеты «Эйдж»: ее автор, рассказывая австралийским читателям о русском символизме, основное внимание уделил Ремизову, чье влияние «до сих пор заметно в творчестве современных русских писателей», и его наиболее характерному произведению — «причудливо фантастической и в то же время поразительно мощной» повести «Пятая язва»⁹⁸. Однако вскоре его имя исчезает из англоязычной периодики. «Один из немногих несомненных гениев современной России» выпадает из контекста актуальной литературы и окончательно становится «достоянием доцента»: составителей антологий и авторов учебных пособий по русской словесности⁹⁹, где фигурирует как представитель литературного «плюсquamперфектума», оказавший, наряду с Андреем Белым, значительное влияние на многих советских авторов.

Единственная книга Ремизова эмигрантского периода, «Оля», была переведена без его ведома и вышла уже после Второй мировой

⁹³ Об истории несостоявшегося издания диксоновского перевода см.: [16, p. 198–199].

⁹⁴ *Pilniak B.* The Naked Year. N.Y.: Payson & Clarke Ltd, 1928. 305 p.

⁹⁵ *Leonov L.* Skutarevsky. L.: Harcourt, Brace and Company, 1936. 468 p.

⁹⁶ *Ostrovsky N.* The Making of a Hero. L.: E.P. Dutton & Co., inc., 1937. 440 p.

⁹⁷ *Tynianov Yu.* Death and Diplomacy in Persia. L.: Boriswood, 1938. 357 p.

⁹⁸ *R.A.P.* Recent developments in Russian literature // The Age. 1932. April 9. P. 7.

⁹⁹ В послевоенный период наиболее содержательный очерк о творчестве Ремизова дал его давний почитатель М. Слоним. См.: [15, p. 229–233].

войны, стараниями его почитателей: переводчицы Беатрис Скотт и слависта Джорджа Риви (Reavey, 1907–1976), выступившего в качестве автора предисловия. В статье Риви вполне обоснованно говорилось, что «Алексей Ремизов мало известен англоязычному читателю» и в то же время он совершенно забыт в Советской России: «Ремизова не публикуют, его творчество не обсуждают, хотя за последние десять лет возродился интерес к целому ряду писателей старшего поколения»¹⁰⁰. В отличие от двух довоенных книг, издание 1947 г. не вызвало никакой реакции в англоязычной прессе. «Писатель капризов и настроений, в одно и то же время сентиментальный и шуточный, эрудированный и болезненно натуралистичный, эксцентричный и сострадательный, но прежде всего — неуловимый», — как аттестовал Ремизова Риви¹⁰¹, — явно не был созвучен настроениям и чаяниям английских читателей, только что переживших Вторую мировую войну и вступавших в новую войну, Холодную.

Впрочем, и в литературном мире русского зарубежья Ремизов был, что называется, «чужим среди своих», на что с горечью указывал и сам писатель (в послевоенной автобиографической прозе и письмах доверенным корреспондентам), и его преданные, хотя и не слишком многочисленные поклонники. «Упрекая Советскую Россию в том, что она подвергла и продолжает подвергать Ремизова остракизму, мы, зарубежные русские, не можем похвастаться тем, что по заслугам оценили Ремизова или сделали сколько-нибудь серьезную попытку разобраться в его творчестве, — каялся (год спустя после смерти писателя) Г. Струве, — даже если в будущем эмиграция и может записать Ремизова в свой культурный актив. Ремизова мало читают, о нем непропорционально мало написано»¹⁰².

«Своим» он стал для французской литературной элиты. Дриё ля Рошель, Жан Полан, Марсель Арлан (круг авторитетнейшего журнала «Нувель ревью франсез» и издательства «Галлимар»), неомист Жак Маритен и сюрреалист Андрэ Бретон в равной степени «заинтересовались ремизовским лица необщим выраженьем, — что делает им честь»¹⁰³. Однако литературная репутация А.М. Ремизова во Франции, история переводов и изданий его произведений, особенности их рецепции в прижизненной французской (франкоязыч-

¹⁰⁰ Reavey G. A Note on the Author // On a Field Azure. By Alexei Remizov. Transl. by Beatrice Scott. L.: Lindsay Drummond Limited, 1947. P. 1, 2.

¹⁰¹ Ibid. P. 6.

¹⁰² Струве Г. О Ремизове. К годовщине со дня смерти // Вестник русского студенческого христианского движения. 1958. № 50 (3). С. 12.

¹⁰³ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 128.

ной) прессе — это, как выразился бы известный писатель, «могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен».

Литература

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / авторы-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 834 с.
2. Жукова О.А. Творчество и религиозность в русской культуре. М.: Согласие, 2022. 594 с.
3. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 416 с.
4. Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 820 с.
5. Наследие А.М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI в. URL: <https://pushkinskiydom.ru/remizov/index.html> (дата обращения: 01.08.2025).
6. Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
7. Рогачевский А.Б. Неизвестные письма Д.П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 349–367.
8. Смит Дж. Парадоксы и параболы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / сост. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–30.
9. Турта Е.И. А.М. Ремизов: путь к британскому читателю // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (19). С. 99–106.
10. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М.: Прогресс, 1978. 326 с.
11. Хьюз Р. «...с вами беда — не перевести». Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2003. Вып. 5. С. 335–401.
12. Field A. VN, the life and art of Vladimir Nabokov. N.Y.: Crown, 1986, 417 p.
13. Mirsky D. Modern Russian literature. N.Y.: Oxford University Press, 1925. 120 p.
14. Olgin M. A Guide to Russian Literature (1820–1917). N.Y.: Harcourt, Brace & Howe, 1920. xiv, 323 p.
15. Slonim M. Modern Russian Literature. From Chekhov to the Present. N.Y.: Oxford University Press, 1953. 467 p.
16. Smith M.S. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // «A People Passing rude». British responses to Russian culture / ed. by A. Cross. Cambridge: Open book Publishers, 2012. P. 189–200.
17. Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // New Zealand Slavonic Journal. 1994. P. 259–287.

“A Strange, Unhealthy Flower in the Swamp of Russian Life...” A.M. Remizov’s Work in Lifetime English-Language Criticism

© 2026. Nikolai G. Mel’nikov
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the problem of critical reception of A.M. Remizov’s work in English-language criticism of the 1910s–1920s. The research material includes literary reviews and essays, taken from the American, British, Australian, and New Zealand press, as well as fragments of monographs and textbooks. Most of them are being introduced into scientific circulation for the first time. Extensive critical and literary material allows us to trace the process of the formation of Remizov’s literary reputation in the English-speaking literary world, as well as to understand the peculiarities of the interpretation of “the most Russian of Russian writers” by English-speaking critics. The article pays special attention to bilingual authors (D. Svyatopolk-Mirskii, G. Williams, S. Graham, J. Kurnos, A. Brown, A. Reavey), who acted not only as propagandists of Remizov’s creativity, but also as connecting links between Russian and Western (Anglo-American) culture.

Keywords: A.M. Remizov, D. Svyatopolk-Mirskii, G. Williams, Russian-British literary relations, Russian Literature abroad, literary criticism, literary reputation, literary review, translation, book market, periodicals, popularity, public, reader

Information about the author: Nikolai G. Mel’nikov, PhD in Philology, Assistant Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID.: <https://orcid.org/0009-0008-6634-1082>

Email: alcect@yandex.ru

For citation: Mel’nikov, N.G. “‘A Strange, Unhealthy Flower in the Swamp of Russian Life...’ A.M. Remizov’s Work in Lifetime English-Language Criticism.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 216–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-216-251>

References

1. Alexei Mikhailovich Remizov: *Bibliografiia (1902–2013)* [Alexey Mikhailovich Remizov: *Bibliography (1902–2013)*], comp. by E.R. Obatnina, and E.E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.)
2. Zhukova, O.A. *Tvorchestvo i religioznost’ v russkoi kul’ture* [Creativity and Religiosity in Russian Culture]. Moscow, Soglasie Publ., 2022. 594 p. (In Russ.)
3. Kaznina, O.A. *Russkie v Anglii: Russkaia emigratsiia v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh svyazei v pervoi polovine XX veka* [Russians in England: Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Relations in the First Half of the 20th Century]. Moscow, Nasledie Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)

4. Mirskii, D. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925], trans. from English by R. Zernova. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 820 p. (In Russ.)
5. *Nasledie A.M. Remizova v literaturnom protsesse XX–XXI v.* [A.M. Remizov's Legacy in the Literary Process of the 20th–21st Century]. Available at: <https://pushkinskiydom.ru/remizov/index.html> (Accessed 01 August 2025). (In Russ.)
6. Obatnina, E.R. *Tsar' Asyka i ego poddannye. Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [King Asyka and His Subjects. The Great Monkey and the Free Chamber of A.M. Remizov in Persons and Documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)
7. Rogatchevskii, A.B. "Neizvestnye pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo serediny 1920-kh godov" ["Unknown Letters of D.P. Sviatopolk-Mirskii from the Mid-1920s"]. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 349–367. (In Russ.)
8. Smith, Dzh. "Paradoksy i paraboly D. Mirskogo" ["Paradoxes and Parabolas of D. Mirsky"]. Mirsky, D. *O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii 1922–1937* [On Literature and Art: Articles and Reviews, 1922–1937], comp. by O.A. Korostelev, and M.V. Efimov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 5–30. (In Russ.)
9. Turta, E.I. "A.M. Remizov: put' k britanskomu chitateliu" ["Remizov: On His Way to the British Reader"]. *Vestnik permskogo universiteta*, issue 3 (19), 2012, pp. 99–106. (In Russ.)
10. Wellek, R., and A. Uorren. *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Progress Publ., 1978. 326 p. (In Russ.)
11. Kh'iuz, R. "'...s vami beda — ne perevesti'. Pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo k A.M. Remizovu" ["'...Translating You is Such a Hard Job...': Letters from D.P. Sviatopolk-Mirskii to A.M. Remizov"]. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 5. St. Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)
12. Field, Andrew. *VN, the Life and Art of Vladimir Nabokov*. N.Y., Crown, 1986. 188 p. (In English)
13. Mirsky, Dmitry. *Modern Russian Literature*. N.Y., Oxford University Press, 1925. 120 p. (In English)
14. Olgin, Moissaye. *A Guide to Russian Literature (1820–1917)*. N.Y., Harcourt, Brace & Howe, 1920. xiv, 323 p. (In English)
15. Slonim, Marc. *Modern Russian Literature. From Chekhov to the Present*. N.Y., Oxford University Press, 1953. 467 p. (In English)
16. Smith, Marylin S. "Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material." Cross, A., editor. *"A People Passing Rude." British Responses to Russian Culture*. Cambridge, Open Book Publishers, 2012, pp. 189–200. (In English)
17. Zohrab, Irene. "Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (With Some Letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and Two Unknown Reviews)." *New Zealand Slavonic Journal*, 1994, pp. 259–287. (In English)